

Тухолка Сергей Владимирович

**Процессы о колдовстве в
Западной Европе в XV-XVII веках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Владимирович Т.**
Процессы о колдовстве в Западной Европе в XV-XVII веках / Тухолка Сергей Владимиро-
вич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 70 с.

ISBN 978-5-519-78036-0

ISBN 978-5-519-78036-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Процедура суда противъ колдуновъ поражаетъ своею жестокостью, несправедливостью и нелѣпостью.

Она исходитъ изъ мысли, что колдовство есть исключительное преступленіе, *crimen exceptum et atrocissimum*, и потому противъ него допустимы всѣ мѣры.

Въ прежнее время власти начинали преслѣдованіе противъ кого-нибудь обыкновенно только по жалобѣ потерпѣвшаго. Но уже при Людовикѣ IX во Франціи было введено правило, что судьи сами должны разслѣдовать преступленія.

А въ духовномъ мірѣ еще при папѣ Иннокентіи III были введены тайныя наблюденія и разслѣдованіе жизни духовенства черезъ особыхъ лицъ, называемыхъ инквизиторами.

Однимъ изъ средствъ для разслѣдованія являлся доносъ.

Сначала доносъ носилъ болѣе публичный характеръ, при чемъ и обвинитель, и доносчикъ подвергались наказанію въ случаѣ недоказательства ихъ обвиненій.

Но въ процессахъ о колдовствѣ не только доносчиковъ объявляли безнаказанными, но поощряли даже анонимные доносы.

Такъ прибывшіе въ какой-нибудь городъ инквизиторы въ церкви объявляли народу о своемъ намѣреніи преслѣдовать колдуновъ и подъ страхомъ отлученія требовали отъ каждаго донести все, что онъ знаетъ подозрительнаго о своихъ сосѣдахъ.

А демонологъ Bodin рекомендуетъ и для Франціи похвальный шотландскій обычай, называемый «Indict», и состоящій въ томъ, что въ церкви выставлялся закрытый ящикъ для доносовъ.

Ранѣе основаніемъ всякаго судебнаго преслѣдованія были свидѣтельскія показанія, но инквизиторы понимали трудность найти свидѣтелей касательно сношенія колдуна съ дьяволомъ. И поэтому для возбужденія преслѣдованія по обвиненію въ колдовствѣ считалось достаточнымъ имѣть подозрѣніе, основанное на доносѣ или на разныхъ указаніяхъ, а потомъ уже самъ обвиняемый сознавался въ колдовствѣ.

Понятно, кромѣ маньяковъ, никто не сознавался добровольно, ибо это сознаніе вело прямой дорогой къ костру; но здѣсь на помощь инквизиторамъ выступала пытка, въ сравненіи съ которой и самая смерть являлась облегченіемъ.

Всякая мелочь могла служить основаніемъ къ преслѣдованію колдуна и давать поводъ къ подозрѣнію.

Тотъ, кто не донесетъ на колдуна, былъ подъ подозрѣніемъ, но и тотъ, кто доносилъ слишкомъ усердно, возбуждалъ подозрѣніе, ибо онъ дѣлалъ это, по мнѣнію Дель-Ріо, съ цѣлью отвлечь отъ себя вниманіе.

Небрежность въ исполненіи обязанностей или слишкомъ большая набожность были одинаково подозрительны.

Вообще-же женщины считались болѣе склонными къ колдовству, чѣмъ мужчины.

Между другими причинами Шпреугеръ объясняетъ это тѣмъ, что женщины чувственнѣе и лживѣе, нежели мужчины, ибо, говоритъ онъ, женщина была создана изъ ребра человѣка, а такъ какъ ребро это было кривое, то женщина склонна ко лжи. И затѣмъ, онъ прибавляетъ, что *Femina* (женщина) происходитъ отъ словъ *fe* (по-испански вѣра) и *minus* (менѣе), что

явно-де указываетъ на ея меньшую твердость въ вѣрѣ.

Если одна женщина скажетъ другой: «смотри у меня» или «ты за это заплатишься», или что-нибудь въ этомъ родѣ, то она уже достойна подозрѣнія; но если послѣ этого у второй женщины случится какое-нибудь несчастіе (болѣзнь ея или семейныхъ, смерть домашняго животнаго, или уменьшеніе молока у коровы), то доказательство колдовства налицо.

Если женщина тронетъ ребенка или корову, она—подозрительна, но если тѣ заболѣютъ, то она колдунья.

Если она долго гуляетъ по берегу озера или рѣки, то это подозрительно, но если вскорѣ послѣ этого будетъ градъ или дождь, то виновность ея—несомнѣнна.

Привязанность къ собакамъ и ея ласки тоже подозрительны. Такъ, современники утверждали, что черная собака, всюду слѣдовавшая за Корнелиемъ Агриппой, была самымъ дьяволомъ.

Но держать у себя черную кошку было понятно еще опаснѣе, ибо всякому извѣстно, что это любимое животное колдуній.

Согласно демонологамъ, для осужденія колдуньи достаточно малѣйшаго подозрѣнія. Такъ какъ колдовство совершается ночью и тайно, то по отношенію къ нему обыкновенная процедура—непримѣнима, говорить *de Lance*, а *Del Rio* поясняетъ, что несправедливо добиваться очевидности въ преступленіи, самый характеръ коего не допускаетъ ея.

De Lance признаетъ, что при такихъ условіяхъ иногда можно осудить и невиннаго, но, по его мнѣ-

нію, это не имѣетъ значенія въ сравненіи съ освобожденіемъ хотя бы одного колдуна, который потомъ-де совратитъ или повергнетъ въ несчастіе сотни людей.

Къ тому же демонологи считали себя орудіями Бога, и потому Богъ самъ-де уже разберется въ томъ, кто изъ сожженныхъ виновенъ или нѣтъ, при чемъ невинные будутъ вознаграждены райскимъ блаженствомъ.

Хотя свидѣтели, какъ мы видимъ, не были обязательны въ процессѣ о колдовствѣ, но судьи все-таки охотно къ нимъ прибѣгали.

Шпренгеръ совѣтуетъ имѣть не менѣе трехъ свидѣтелей, но онъ весьма нетребователенъ по отношенію къ ихъ характеру. Въ дѣлахъ о колдовствѣ всѣ принимаются въ свидѣтели: и родственники, и слуги, и преступники, и даже отлученные отъ церкви, но при одномъ условіи—если они показываютъ противъ, а не за обвиняемаго.

Кромѣ того не рекомендуется допрашивать свидѣтелей передъ обвиняемой (развѣ только они сами этого пожелаютъ). Вообще же не слѣдуетъ сообщать колдунѣ даже именъ лицъ, показывающихъ противъ нея, ибо она можетъ отомстить имъ.

Обвиняемая не имѣетъ права выбирать себѣ адвоката, но судья можетъ назначить ей такового. Однако Шпренгеръ совѣтуетъ воздерживаться отъ этого, особенно молодымъ и неопытнымъ судьямъ, объясняя это тѣмъ, что адвокатъ легко можетъ смутить ихъ своими доводами.

Однимъ словомъ, въ этихъ процессахъ дѣлалось все, чтобы отнять у обвиняемыхъ всякую возмож-

ность оправдаться, и чтобы побудить судью непременно высказаться за осужденіе.

Шпренгеръ предостерегаетъ судей и противъ жалости къ обвиняемымъ. Колдунью, говоритъ онъ, надо всегда вводить въ залу суда спиной къ судьямъ, ибо «если она первая взглянетъ въ глаза судьи, то, вслѣдствіе ея чаръ, сердце судьи проникается жалостью и онъ не находитъ въ ней никакой вины. Но если судья запасется освященной солью и сдѣлаетъ знаменіе креста, то, мужественно дѣйствуя противъ колдуньи, онъ можетъ надѣяться сломить силу змѣя»!

Въ своихъ пыткахъ инквизиторы были весьма изобрѣтательны, и видя, съ какой жестокостью они мучили несчастныхъ женщинъ и съ какими хитростями старались вырвать у нихъ признаніе—можно думать, что именно они, а не ихъ жертвы, были слугами и помощниками дьявола.

Еще до пытки колдунью обыкновенно подвергали мучительной операціи отысканія стигмата дьявола.

По общему вѣрованію, на шабашѣ дьяволъ касался каждаго вновь прибывшаго, при чемъ мѣсто прикосновенія дьявола дѣлалось нечувствительнымъ къ боли.

Для отысканія этого стигмата паціенту завязывали глаза и вонзали ему въ голое тѣло длинныя иглы. Если онъ не чувствовалъ укола, то стигматъ считался найденнымъ, и обвиняемый былъ потерянъ. По словамъ демонологовъ это былъ самый вѣрный признакъ колдовства.

Иногда судьи, дабы вѣрнѣе погубить обвиняемаго, прибѣгали къ хитростямъ и только для вида касались его, не втыкая иголку въ тѣло; но иногда у обвиняемыхъ и дѣйствительно бывала мѣстная анестезія, тѣмъ болѣе, что многія женщины, арестованныя за колдовство, были суевѣрны и истеричны.

Передъ пыткой колдунью обыкновенно до-нага раздѣвали и тщательно состригали на ея тѣлѣ всѣ волосы, дабы легче найти такъ называемый талисманъ молчанія, т. е. кусочекъ бумаги съ какой-нибудь надписью.

Демонологи утверждали, что пока колдунья имѣетъ на себѣ этотъ талисманъ, она — нечувствительна къ мученіямъ и никогда не сдѣлаетъ признанія.

Нѣкоторыя женщины, которыя и сами считали себя колдуньями, дѣйствительно запасались такими талисманами и, возможно, что, благодаря самовнушенію, иногда онѣ не чувствовали боли.

Наиболѣе употребительныя пытки были слѣдующія:

1) *Эстрапада, или дыбѣ*. Пациенту закручивали руки назадъ и, привязавъ ихъ къ веревкѣ, на блокѣ поднимали его на воздухъ. Такъ какъ вся тяжесть тѣла падала на руки, то часто послѣднія выскакивали изъ суставовъ и по окончаніи пытки ихъ приходилось вправлять на мѣсто.

Для увеличенія мученій къ ногамъ пытаемаго подвязывали тяжести, или встряхивали веревку, сначала подтянувъ ее кверху, а потомъ разомъ отпустили ее. На веревкѣ пытаемаго держали до получаса и болѣе.

Иногда его стегали при этомъ бичами или жгли подъ ногами угли и сѣру.

2) *Пытка водой*. Пациента раскладывали на спинѣ и, крѣпко привязавъ его и раскрывъ его ротъ, вливали въ него при обыкновенной пыткѣ четыре пинты, а при чрезвычайной—восемь пинтъ воды. Животъ пытаемаго вздувался и мученія были невыносимы.

3) *Испанскіе сапоги* (brodequins). Пациенту крѣпко стискивали ноги между досками и вбивали между ногами и досками клинья, при обыкновенной пыткѣ четыре, а при чрезвычайной восемь. Эти клинья не только сдирали кожу съ ногъ, но иногда раздробляли и кость. Другой родъ brodequins были сапоги изъ дерева, которые сжимались на винтѣ и страшно жали ноги.

4) *Напалечники* (poucettes) желѣзные напалечники, которые надѣвали на большой палецъ и съ помощью винта все болѣе сжимали ихъ, доводя пытку иногда до раздробленія кости пальца.

5) *Пытка огнемъ*: пациенту жгли сѣру подъ мышками, между пальцами ногъ, и такъ далѣе, или поджигали пятки на раскаленныхъ угольяхъ, или захватывали мясо раскаленными щипцами.

При этомъ были разныя приспособленія: напирмѣръ, желѣзное кресло, на которое привязывали пациента и постепенно нагрѣвали сидѣніе.

6) *Карканъ*, или ошейникъ съ острыми гвоздями, прикрѣпленный на столбѣ, къ которому привязывали пациента, введя ему шею въ карканъ. Затѣмъ ему поджигали ступни угольями, и онъ начиналъ танцовать на мѣстѣ, но при каждомъ движеніи гвозди вонзались ему въ тѣло.

7) *Кобыла* (le chevalet), это были двѣ доски, сложенные подъ острымъ угломъ и укрѣпленные на двухъ

подставкахъ такъ, что верхняя ихъ сторона была острой. На эту кобылу пытаемую сажали верхомъ и привязывали къ ея ногамъ тяжести, вслѣдствіе чего острый край дерева медленно, но вѣрно входилъ въ ея тѣло.

Въ 1647 году Марія Карлье, 13-и лѣтъ, была продержана на кобылѣ нѣсколько часовъ, и палачи три раза прибавляли тяжести къ ея ногамъ прежде, чѣмъ вынудили у нея сознаніе.

Въ Авиньонѣ, городѣ папъ, употребляли еще слѣдующую пытку, занесенную туда изъ Рима. Въ тепло нагрѣтую комнату, посрединѣ которой была устроена остроконечная пирамида, вводили до нага раздѣтаго паціента и усаживали его на самый верхъ пирамиды; такъ какъ руки и ноги его были подтянуты веревками, то вся тяжесть тѣла падала на конецъ пирамиды, который далеко входилъ въ тѣло. Обыкновенно пытаемый лишался чувствъ отъ невыносимой боли, но тогда его заботливо приводили въ себя и снова подвергали этому роду сажанія на колъ.

Но вообще пытка разнообразилась до бесконечности, дѣлая честь изобрѣтательности судей-палачей.

Пытаемаго обливали горячей смолой, вырывали ему ногти, втыкали подъ ногти острые иглы и т. д. И это повторялось до тѣхъ поръ, пока въ паціентѣ оставалось хоть немного сознанія и чувствительности.

По правиламъ пытку позволялось примѣнять одинъ разъ и въ теченіе $\frac{1}{4}$ часа. Возобновлять ее можно было лишь при появленіи новыхъ доказательствъ виновности колдуньи, но демонологи обходили это правило благодаря чисто іезуитскому различію, а именно: всякая новая пытка, хотя бы и на другой день, считалась

не возобновленіемъ или повтореніемъ, а лишь продолженіемъ первой пытки.

Честъ этого казуистическаго обхода принадлежитъ Шпренгеру, который говоритъ въ «*Malleus maleficarum*»: *quod si nec sic (questionata) poterit ad veritatem induci, tunc pro secunda aut tertia die questionanda ad continuandum tormenta non ad iterandum quia iterari non debent nisi nova supervenissent indicia*»

Благодаря этому *distinguo*, пытку возобновляли даже до 50 разъ; обыкновенно пытали до признанія, или до смерти.

По словамъ Bodin, никоимъ образомъ не слѣдуетъ избѣгать примѣненія пытки, которая-де прекрасно дѣйствуетъ на молодыхъ дѣвушекъ, на дѣтей, на женщинъ и вообще на нѣженокъ.

Но, пожалуй, еще хуже пытки было заключеніе въ то время въ тюрьмѣ.

Для колдуновъ иногда устраивали особыя тюрьмы въ массивныхъ башняхъ или въ подземельяхъ.

Тамъ заключенныхъ приковывали къ стѣнѣ или къ бревнамъ, или продѣвали имъ руки и ноги въ отверстіе въ доскахъ, такъ что они не могли двинуть ни однимъ членомъ. Иныхъ всовывали въ ящики въ родѣ конуръ для собакъ, гдѣ нельзя было ни сѣсть, ни встать, другихъ сажали въ глубокія ямы, куда ихъ опускали на веревкѣ. Тамъ сидѣли они въ грязи и въ холодѣ, иногда не будучи въ состояніи защитити себя ни отъ червей, ни отъ крысъ.

И такимъ образомъ невинныхъ людей на основаніи одного подозрѣнія держали мѣсяцы и годы.

Иные сходили съ ума или выходили оттуда калѣками, другіе совсѣмъ падали духомъ и готовы были

взвести на себя всякія небылицы, только бы поскорѣе покончить смертью.

Близъ села Линдгеймъ въ Великомъ Герцогствѣ Гессенскомъ—доселѣ сохраняются развалины такъ-называемой башни колдуній. Башня эта круглая, внутренній діаметръ 17 футовъ, вышина 36 футовъ, толщина стѣнъ $4\frac{1}{2}$ фута.

Эта башня служила не только для заключенія колдуній, но также для ихъ пытки или казни, при чемъ ихъ мучили съ особой жестокостью, а именно: во внутренней стѣнѣ башни была сдѣлана ниша въ два фута глубиной и шириной, идущая отъ пола на 15 футовъ вверхъ. Тамъ въ стѣну были вдѣланы короткія цѣпи съ кольцами для рукъ. На этихъ цѣпяхъ подвѣшивали колдунью, а снизу разлагали костеръ и такимъ образомъ ее поемногу прокапчивали и поджаривали, при чемъ смерть заставляла долго себя ждать и наступала послѣ ужасныхъ мученій.

И эта башня функционировала менѣе, чѣмъ четыре вѣка тому назадъ.

Всѣ старанія судей были направлены на то, чтобы вырвать у обвиняемой признаніе, которое являлось главнымъ основаніемъ для осужденія и служило къ оправданію и самихъ судей, которыхъ иначе могли бы обвинить въ легкомысленномъ преданіи пытокъ невинныхъ.

Впрочемъ, если пытаемый, несмотря на всѣ мученія, не сознавался въ колдовствѣ, то и это не спасало его отъ осужденія. Наоборотъ, въ этомъ случаѣ, какъ закоренѣлый грѣшникъ, онъ почти всегда сжигался живымъ, тогда какъ въ случаѣ признанія и раскаянія иногда судьи присуждали его сначала къ